

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Куликов Е. А. Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа / Е. А. Куликов, В. Г. Новикова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 249—269. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-249-269.

Kulikov, E. A., Novikova, V. G. (2024). Evolution of Category of the Other in Works of Tom Wolfe. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 249-269. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-249-269. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа

Куликов Евгений Андреевич

orcid.org/0000-0001-5037-7226

кандидат филологических наук, доцент
кафедры зарубежной литературы,
корреспондирующий автор
kulikov@flf.unn.ru

Новикова Вера Григорьевна

orcid.org/0000-0002-7398-3867

доктор филологических наук,
профессор
кафедры зарубежной литературы
wnovikova@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Evolution of Category of the Other in Works of Tom Wolfe

Evgeny A. Kulikov

orcid.org/0000-0001-5037-7226

PhD of Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Literature,
Corresponding Author
kulikov@flf.unn.ru

Vera G. Novikova

orcid.org/0000-0002-7398-3867

Doctor of Philology, Professor,
Department of Foreign Literature
wnovikova@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме художественного воплощения категории другого в произведениях американского журналиста и писателя Тома Вулфа. Материалом исследования явились ранние очерки журналиста, объединенные в сборники, изданные в первой половине 1960-х годов, и поздний роман «Я — Шарлотта Симмонс» (2004). Эти книги разделяет почти вся вторая половина XX столетия — период формирования, расцвета и упадка постмодерна. Цель работы — проследить диахроническое изменение осмысления автором категории другого, репрезентирующей в его ранних и поздних текстах. Само стремление к инаковости у молодых людей первых послевоенных десятилетий означало принципиальный отказ от норм, правил, законов во имя отторжения всех форм тоталитарности, приведших к катастрофе уничтожения человечности во Второй мировой войне. Как журналист, Т. Вулф объективно и сочувствующе показывает разнообразные стили жизни нового поколения. Последствия заложенных тогда тенденций он демонстрирует в написанном через сорок лет университетском романе. В статье показано, что в этом произведении посредством многоуровневого конфликта представлена инаковость разнообразных статусных групп университетского социума. Однако они остаются замкнутыми, враждебными по отношению друг к другу. Отказ от рационального сознания привел к примитивизации личности и распаду образования. Роман является яркой иллюстрацией негативных результатов постмодерна.

Ключевые слова:

Том Вулф; инаковость; категория другого; новый журнализм; постмодерн; университетский роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the artistic embodiment of the category of the Other in the works of American journalist and writer Tom Wolfe. The study focuses on Wolfe's early journalistic essays, compiled in collections published in the early 1960s, as well as his later novel "I Am Charlotte Simmons" (2004). These texts are separated by nearly the entire second half of the 20th century — a period marked by the emergence, flourishing, and decline of postmodernism. The aim of this work is to trace the diachronic evolution of the author's understanding of the category of the Other, as represented in his early and late texts. The desire for otherness among young people in the first post-war decades signified a fundamental rejection of norms, rules, and laws in the name of rejecting all forms of totalitarianism, which led to the catastrophic destruction of humanity during World War II. As a journalist, Wolfe objectively and empathetically depicts the diverse lifestyles of a new generation. He illustrates the consequences of these emerging trends in his university novel written forty years later. The article demonstrates that this work presents the otherness of various status groups within the university community through a multi-layered conflict. However, these groups remain isolated and hostile towards one another. The abandonment of rational consciousness has led to the primitivization of individuality and the disintegration of education. The novel serves as a vivid illustration of the negative outcomes of postmodernism.

Key words:

Tom Wolfe; otherness; category of the Other; new journalism; postmodernism; university novel.

УДК 82-311.2:82-43+821.111(73)Wolfe.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-249-269

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

Эволюция категории *другого* в творчестве Тома Вулфа

© Куликов Е. А., Новикова В. Г., 2024

1. Введение = Introduction

Категория «инаковость» являлась одной из самых востребованных в гуманитарных науках второй половины XX века и остается актуальной по сей день. Взрыв интереса к инаковости после 1945 года был предопределен потребностью в переосмыслении дихотомии *я — другой*, архетипичной и в значительной степени конституирующей человеческое существование и мышление на всех этапах развития цивилизации. В формировании ценностных ориентаций исторического прошлого в коллективном мироощущении доминировало противопоставление *я другому* как *чужому*. Обретая разные смыслы с развитием социума, эта оппозиция воплотилась в предельной межчеловеческой дезинтеграции в периоды Первой и Второй мировых войн, когда противопоставление *своего другому* привело к уничтожению миллионов жизней. Последствия этих исторических катаклизмов предопределили радикальное изменение общественного самосознания как на уровне философской рефлексии, так и в обыденном сознании масс. В философии обозначились тенденции к переосмыслению архетипической дихотомии в поисках не противопоставления, а взаимодействия, взаимопонимания *своих* и *чужих*, когда *чужой* не отторгается, а притягивается, становится интересным именно в силу своей инаковости. Для понимания инаковости принципиально важен выбор в альтернативе: неизбежность противопоставления, интенция к которому заложена в самом слове (от *иной*), или возможность сопоставления. Первое предполагает борьбу, отторжение «чуждого», стремление к вражде, второе — диалог с иным, стремление к взаимопониманию.

Историки выделяют разработку «философии диалога» в Германии (О. Розеншток-Хюсси, Ф. Розенцвейг, М. Бубер), Австрии (Ф. Эбнер) и России (круг М. М. Бахтина): «...философы диалога, по сути, предлагают радикальную программу “обновления” не нигилистического мировоззрения человека в виде оригинальной онтологии человеческого общения. Согласно этому подходу, человек понимается с точки зрения первичности его

экзистенциальных связей с другими “Я” по отношению к его собственному самосознанию. Диалогисты также глубоко продумали конституирующие социо- и культуротворческие аспекты общения, по-новому осмыслили угрозы, вызванные ослаблением или распадом человеческой общности» [Евдокимцев, 1999, с. 2].

Особое влияние в этом плане оказывает концепция Э. Левинаса, создавшего свое учение о *другом*. Он писал: «Инаковость Другого не зависит от какого-либо качества, которое отличает его от меня, поскольку подобное различие как раз и полагало бы между нами родовую общность, сводящую инаковость на нет» [Левинас, 2000, с. 216]. Центром идей Э. Левинаса является этическое отношение человека к человеку, не подразумевающее никаких видов насилия. Именно поэтому его учение оказалось особенно значимым в середине XX века.

Существенно важно, что формирование представлений об «инаковости» свидетельствует о всеобщем стремлении к слову оппозиции *свой* — *чужой* как спасительному для цивилизации, поскольку он позволит не противостоять *чужому* вплоть до убийства последнего, но, напротив, сосуществовать с ним. «Инаковость» означает, с одной стороны, свой опыт «бытия в мире», с другой — подразумевает возможность диалога с *другими* опытами бытия. Подобный перелом в общественном сознании свидетельствует о процессе формирования постмодерного мышления, отказывающегося от любых оппозиций и деконструирующего их, и является важнейшей характеристикой этого мышления.

На уровне общественного сознания отказ от классического мышления привел к созданию контркультуры. Аналогичный процесс уже имел место после Первой мировой войны, особенно заметно проявившись в течениях дадаизма и сюрреализма. После Второй мировой войны выдвигаются на первый план субкультуры, созданные молодежным протестным движением в США. Уже в первое послевоенное десятилетие, в конце 40-х — начале 50-х годов, развивается субкультура «разбитого поколения» (битников), дополняющаяся в 60-е субкультурой хиппи. Формально движение закончило свое существование к началу 70-х годов. Однако многие изменения продолжали происходить под его влиянием вплоть до конца века. Процесс и результаты этих изменений определяют во многом современную социокультурную ситуацию, поэтому так актуально их осмысление.

Одним из летописцев жизни протестующих молодых людей в США становится журналист Том Вулф (*Tom Wolfe, 1930—2018*), фиксирующий в своей публицистике 60-х годов конкретику непосредственных событий и обобщающий свои наблюдения. Впоследствии он напишет несколько романов (в контексте проблемы инаковости особое значение из них име-

ет «Я — Шарлотта Симмонс» (*I Am Charlotte Simmons*), вышедший в свет в 2004 году). В романе подводятся итоги деятельности нескольких поколений молодых людей, охваченных жадой инаковости. Таким образом, целью исследования становится сопоставительный анализ ранней публицистики и одного из последних романов Тома Вулфа в аспекте репрезентации категории *другого*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Изучение указанного материала невозможно без учета двух особенностей творческой манеры автора. Первая из них касается специфики художественной формы, сложившейся в его публицистике. Том Вулф — один из родоначальников авангардного течения «новый журнализм» (или «новая журналистика», англ. *New Journalism*), которым характеризовалась передовая американская журналистика и — шире — культура 1960—70-х годов. Новый журнализм с момента своего появления вызывал интерес множества исследователей, не утраченный и в XXI веке [Gutkind, 2004; Несмелова и др., 2011; Рябухина и др., 2011]. Также в 2024 году на русский язык впервые были переведены очерки одного из основоположников нового журнализма Гэя Тализа [Тализ, 2024], что свидетельствует о неутраченной актуальности данного течения и творчества его представителей.

Техника, которой придерживались журналисты этого направления (помимо самого Т. Вулфа и вышеозначенного Г. Тализа, это Труман Капоте, Хантер Томпсон, Норман Мейлер и др.), порождает уникальный для того времени синтез документального и художественного начал. Принципы, исповедуемые приверженцами нового журнализма: разнообразие точек зрения, призванное создать наиболее полную картину; включение в текст описаний так называемых «статусных» деталей (в том числе привычек, жестов, манер), созданных для более объёмной и яркой характеристики персонажей; построение повествования в виде отдельных сцен, создающее ощущение реальности описываемых событий; включение в текст не отдельных цитат, а полноценных диалогов, причём написанных не книжной, а живой, разговорной лексикой, что также свидетельствует о фактографичности материала и создаёт у читателя эффект присутствия, — все эти приёмы затем перекочёвывают и в романное творчество вышеозначенных журналистов, становясь характерными особенностями нового журнализма уже не как направления в журналистике, а как литературного явления. Самым важным компонентом, скорее даже базисной идеей нового журнализма является факт. Только при помощи описания фактов реальной действительности можно как передать свою точку зрения, так и описать происходящее.

Вторая особенность творчества Т. Вулфа заключается в том, что он подходит к сбору и оформлению материала своих произведений как социолог. Исследователи отмечают его «одержимость» социологией [Menand, 2018; Price, 2016; Best, 2001]. Т. Вулф получил хорошее университетское образование: в 1951 году он окончил Washington and Lee University. В 1957 году в Йельском университете он был удостоен докторской степени по специальности «American Studies», в период подготовки к которой изучал американскую историю, американскую литературу, экономику и социологию. Вначале его отношение к последней из этих дисциплин было таким же, что и у современных ему англоязычных гуманитариев, то есть как к науке «безжизненных немецких интеллектуалов». Однако изучение им трудов Макса Вебера изменило ситуацию. Наиболее известным в США было эссе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», написанное еще в 1905 году, но наибольшее впечатление на Вулфа, по его собственному признанию, произвели другие работы: «Что привлекло мое воображение, так это единственное слово “статус”. В очень коротком, очень насыщенном эссе под названием “Класс, статус и партия” Вебер ввел совершенно новую концепцию» [Wolfe, 2006] (собственно, отсюда в дальнейшем и вырастает один из отмеченных выше характерных приёмов новых журналистов вообще и Т. Вулфа в частности — использование *статусных* деталей для характеристики персонажей). По мнению Т. Вулфа, понятие «статус» синонимично «социальному классу», «социальной стратификации», «системе престижа» и «мобильности». «Шесть лет спустя термины Вебера “стремление к статусу” и “символы статуса” начали появляться в прессе. Вскоре они стали частью повседневного языка», — считает нужным подчеркнуть писатель [Wolfe, 2006]. Подобная социальная стратификация противостояла идеологии мыслителей, поддерживавших концепцию экономического класса (или формации, по К. Марксу) и, соответственно, теорию классовых систем и их бескомпромиссной борьбы. Настроению Т. Вулфа соответствует идея статуса, в логике развития которой нет и мысли о насилии, завоевании господства. По сути, статусные группы, по Т. Вулфу, предполагают мирное сосуществование множества социальных групп. Дж. Бест подчеркивает, что Том Вулф в своих работах в значительной степени опирается на социологию, а журналистика Т. Вулфа представляет собой целостное видение современного общества, которое подчеркивает важность того, что стало забытым социологическим понятием, — статуса [Best, 2001]. Вулф утверждает, что экономическая экспансия после Второй мировой войны способствовала появлению новых «статусных сфер» и поощряла статусную конкуренцию. «Статус» и «стиль жизни» (“lifestyle”) — главные категории в творчестве Тома Вулфа.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление нового журнализма и раннее творчество Т. Вулфа

В 1965 году была опубликована книга, объединившая 22 очерка Тома Вулфа, само название которой произвело сильнейшее впечатление на читателей: *The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby* (в русском переводе М. К. Кондратьева — «Конфетнораскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка»). Это название дано по обозначению включенного в неё очерка, опубликованного в 1963 году: «There Goes (Varoom! Varoom!) That Kandy-Kolored (Thphhhhhh!) Tangerine-Flake Streamline Baby (Rahghhh!) Around the Bend (Brummmmmmmmmmmmmmmmmmm)...».

В книге автор отмечает признаки «новой культуры» в том виде, в котором она формировалась в 60-е годы XX века. Ее особенностью стало стремление к преодолению канонов классического сознания и невероятная энергия поиска новых форм самовыражения. Можно с уверенностью утверждать, что Том Вулф обнаруживает и фиксирует здесь поиски самих форм инаковости, которые его героями воспринимаются как саморепрезентации многих индивидуальностей в ряду иных.

Поиск инаковости — одна из важнейших тенденций в процессе формирования контркультуры, при этом сам автор подчеркивает, что он остается верен традиции, и в предисловии делает заявление: представляемые здесь явления «находятся вне той системы идей, с которой я привык работать, пусть даже я прошел полный маршрут доктора философии, побывав в Йельском университете, американских исследованиях и во всех остальных положенных местах» [Вулф, 2007, с. 10]. Речь в конкретном случае идет о подростковой выставке «Форсированные и самодельные автомобили», но на самом деле это принципиально значимая обобщающая формула, поскольку все, что описывает Т. Вулф, не имеет аналогов в прошлом, не подчиняется никакой логике традиционных взглядов на мир.

В этих очерках автор добросовестно записывает детали, которые, как он надеется, помогут «понять суть происходящего». Для классификации подробностей он использует категорию «стиль» и обращается к аналогии с «классическим английским стилем» Иниго Джонса (*Inigo Jones, 1573—1652*). В характеристике Т. Вулфа этот архитектор был одним из создателей культа «великолепного палладианского классицизма», невозможного без денег новых колоний, которые начали стекаться из колониальных территорий. «Практически каждый стиль, зафиксированный в истории искусства, является результатом того же самого: уйма внимания форме плюс деньги, чтобы воздвигнуть всему этому монументы» [Вулф, 2007, с. 12—13]. Указанный стиль XVII века был воплощением идеологии аристократизма.

Традиции классического европейского мышления и культуры как-то сохраняются после войны: «образованные классы в Соединенных Штатах, люди, доросшие до контроля над визуальными и печатными средствами массовой информации» остаются «подключенными к все той же древней аристократической эстетике» [Вулф, 2007, с. 14]. Однако традиционное сознание на данном этапе выглядит чаще всего ограниченно бургерским («идеология, что лежит в солнечном сплетении каждого славного серого бургера»), склонным к образу мыслей типа «мамочкин яблочный пирог» (для бургеров, кстати, и предназначен журнал, где будут размещены статьи Вулфа) [Вулф, 2007, с. 8].

На смену приходит разнообразие подростковых стилей, «нечто невообразимое», с точки зрения старших. Памятники этому «нечто» приняты «форму самодельных автомобилей, твиста, джерка, манки, шейка, в целом рок-музыки, брюк в обтяжку, декольных глаз» [Вулф, 2007, с. 13]. Разнообразие форм, вычурность, аффектация и, самое главное, лежащее в основе глубокое потрясение самих основ классического мышления — то, на что автор обращает самое пристальное внимание. Создателей новой культуры автор обнаруживает в Лас-Вегасе, в агрессии «гонок с выбиванием», смысл которых в разрушении автомобилей, в акустическом безумии новых радиостанций («великое маниакальное состязание в воплях, смешках, фальцетах, тяжелой буффонаде, смехотворном полоскании горла, убойной болтовне старшеклассников, криках, выдохах, вздохах, скверных шуточках, абсурдистских стишках, каламбурах, безумных акцентах» [Вулф, 2007, с. 73—74]) и появившемся типе «истеричного» жокея, в одежде и поведении провинциальных и столичных тинейджеров.

Стиль молодых оказывается в чём-то очень похожим на «майамский модерн» Лас-Вегаса, стремительно выросшего после войны города игровых автоматов (подробнее об этом см., например: [Вентури и др., 2023]). В его электрохимических красках: «мандариновый, бурлящий пурпур, ярко-розовый, кроваво-красный, скромно-фуксиевый, конгово-рубиновый, метилово-зеленый, изумрудный, аквамариновый, феносафраниновый, сияющий оранжевый, лихорадочный аловато-лиловый, цианово-голубой, мозаично-бронзовый, оранжевый» [Вулф, 2007, с. 31], в его рекламных щитах, в его стиле «позднеамериканское богатство», в его обитателях, по карманам которых рассованы наркотики, обнаруживается та же «освобожденная кора головного мозга», к которой стремится и молодежь.

Но независимый наблюдатель Том Вулф все-таки обнаруживает те признаки новой культуры, которые скорее примиряют с ней, чем отталкивают. Он находит то же «священное вдохновение», которое отличало творцов

прошлого, в молодых людях, просто их творческий порыв обнаруживается уже не в мансардах, а в гаражах [Вулф, 2007, с. 11]. The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby становится символом романтического энтузиазма новых творцов.

Журналист оказывается одним из первых обнаруживших, что тинейджеры влияют на жизнь всей страны. «Поп-группы» становятся образцом для высшего общества, и оно превращается в поп-общество. Его признаки — рок-музыка, танцы (джерк, манки, шейк), андеграундные фильмы и поп-живопись. «Супергиперверсией» гламурного стиля становится Лас-Вегас, где монумент своему стилю жизни воздвигают пролетарско-бюргерские американцы, гангстеры.

Для того чтобы читатель смог максимально полно погрузиться в стиль мышления тех, кто для старшего поколения еще недавно был не более чем «вшивым народцем с всклокоченными волосами, дерматитом, слабыми грудными клетками и тому подобным, тошнотворным народцем» [Вулф, 2007, с. 14], автор использует ненормативную лексику (первый очерк начинается несколько десятков раз повторенной в разном графическом оформлении ненормативной языковой единицей), передает «задыхающуюся истерику» радиоэфира, насыщает очерки перечнями невозможных цветовых палитр интерьеров, окраски автомобилей, одежды и т. д.

Особое место в творчестве Т. Вулфа занимает изданная в 1968 году книга «Электропрохладительный кислотный тест» (*The Electric Kool-Aid Acid Test*), своеобразно продолжающая поднимаемые в предыдущем сборнике темы и вопросы. Эта «особость» определяется тем значением, которое обретают описанные здесь люди и события в плане воздействия на умы своего и последующих поколений, и той достоверностью изображения, которая сделала названное произведение одним из самых значимых в публицистике США XX века. Здесь в довольно отчетливой хронологической последовательности описывается формирование в 1958 году, расцвет в середине шестидесятых и распад в 1966 году коммуны «Веселых проказников» (*Merry Pranksters*). В центре этого объединения стоял писатель Кен Кизи (*Ken Kesey, 1935—2001*), автор романа «Пролетая над гнездом кукушки» (*One Flew Over the Cuckoo's Nest, 1962*). Сам Т. Вулф остается здесь отстраненным наблюдателем, хотя и принимает непосредственное участие в некоторых описываемых событиях.

Действующие лица называют себя «торчками». Свою инаковость они подчеркивают одеждой и аксессуарами: «длинные иисусовы волосы, индейские бусы, индейские головные повязки, бисер, колокольчики, амулеты, мандалы, божественные взоры, флюоресцирующие жилеты, рога единорога, дуэльные рубахи в стиле Эррола Флинна» [Вулф, 2006, с. 6—7].

Все остальные люди — как полицейские в Калифорнии: аккуратные, «чистенькие и правильные, как кубики льда».

Главной задачей автора является воссоздание той «субъективной реальности», которая становится смыслом существования коммуны. Ее члены искали те формы выражения, которые привели бы к единому переживанию, «чувствам нарастанию». В основе этих форм смешивались «среды» сангхи, манихейства, Заратустры, Майдхьюмаонгхи и пятерых правоверных перед Виштапу, Магомета, Абу-Бекира и апостолов среди фарисействующих корейш Мекки, Гаутамы, etc. [Вулф, 2006, с. 34], влияющие в совокупности на создаваемое ими некое мистическое братство.

Субъективная реальность этих людей формируется постепенно. Значимым является выбор ими мест обитания. Вначале это Перри-лейн, район, где в 50-е годы жила «стэнфордская богема», избранные интеллектуалы. Впоследствии коммуна переезжает в Ла-Хонде, участок в лесу в штате Калифорния. Т. Вулф указывает, что «лес Кизи представлял себе фантастической декорацией, ... на фоне которой будет ежедневно происходить некий хэппенинг, рождаться новый вид искусства» [Вулф, 2006, с. 60].

Поворот в мировоззрении К. Кизи знаменует собой радикальные изменения в устремлениях молодых людей 60-х. Развитый интеллект окончательно теряет для них свою ценность. Они выстраивают новые принципы «the art of living». Всесилию разума противопоставляется поиск возможностей раскрытия души. В данном стремлении, очевидно, концентрируются самые значимые тенденции послевоенных десятилетий: вместо одномерности конформной личности, ставшей основой манипулирования массами в период войны, — поиск себя, процесс самоидентификации, коррелирующий с очевидным субъективизмом философии последующих десятилетий.

Для Кена Кизи и его окружения «ключ» к проникновению внутрь себя дали разрабатываемые в этот период медикаменты. Сам писатель смог почувствовать их воздействие одним из первых, будучи участником медицинского эксперимента. Ориентиром для него и его друзей был Олдос Хаксли, прошедший подобный опыт в 1953 году, назвавший свои ощущения «психodelикой» и передавший их в эссе «Двери восприятия» (*The Doors of Perception*, 1954). Опыт коммуны закреплял для участников «самое удивительное ощущение в жизни» — интересубъективность. В каждом случае раскрывалось сознание каждого, и все они сливались в единое целое, чувство общности. Это и стало искусством жизни хиппи.

3.2. Переоценка ценностей на позднем этапе творчества Т. Вулфа

В 2004 году Т. Вулф вновь обращается к проблемам нового молодого поколения, появившегося почти через полвека после легендарных битников и хиппи, в романе «Я — Шарлотта Симмонс». К этому моменту из-

начально журналист Т. Вулф практически отходит от эссеистического характера творчества в пользу более художественных и беллетризованных форм, полностью в духе времени желая написать не просто роман, а так называемый «великий американский роман». В данном случае жанровым образцом становится подвид университетского романа под названием *varsity novel*. О. Ю. Анцыферова даёт ему следующую дефиницию: «университетский роман, написанный со студенческой точки зрения» [Анцыферова, 2010, с. 6]. Книга представляет из себя полифоническую структуру, объединяющую партии четырёх главных героев, по-своему *других* в том или ином аспекте: это Джоджо Йоханссен, белый баскетболист в полностью чёрной команде; презирающий всех ниже себя по *статусу* представитель студенческого братства Хойт Торп; тихий и покорный ботаник Эдам Геллин, попавший в университет не по статусным или финансовым причинам, а из-за своего интеллекта; и, наконец, как будто бы главная героиня романа, вынесенная в его заглавие, Шарлотта Симмонс, отличница из малообеспеченной провинциальной семьи, вопреки условиям сдавшая экзамены на высший балл и получившая возможность поступить в один из крупнейших университетов США Дьюпонт (его образ автором вымышленен по подобию реальных университетов, входящих в Лигу плюща).

Сама полифоническая структура Т. Вулфом выбрана неслучайно, поскольку работает на глобальную задумку, свойственную новым журналистам: дать как можно более полную и объёмную картину происходящего, что, с одной стороны, помогает со- и противопоставить героев по разнообразным параметрам внутри самого текста, с другой — «изъять» эксплицитную авторскую точку зрения из повествования, оставляя моральную оценку на откуп реципиенту. Впрочем, сама задача Т. Вулфа ясна: если в раннем творчестве он обращался к подчёркнуто демократичным, вернакулярным, неинституциональным формам социализации, то в данном случае автор переносит фокус своего внимания на образовательную институцию, оказывающуюся коррумпированной и несостоятельной по многим параметрам, что, по мысли автора, не может не воздействовать на умы и характеры современной молодёжи. Микрокосм Дьюпонта в рамках авторской задумки сопоставим с макрокосмом всего американского социума, поляризованного и конфликтогенного. Неслучайно «точкой входа» в данную реальность становится именно образ Шарлотты Симмонс, максимально далёкой от высшего общества и от культурной и политической жизни страны по причине рурального положения её родного городка Спарта, округ Аллегани, штат Северная Каролина. Героиню шокируют нравы и атмосфера разврата и вседозволенности, царящие в стенах старейшего вуза.

Автор здесь с еще большей очевидностью, чем в ранних эссе, показывает разные *статусные* признаки, объединяющие молодых людей в группы. Подобных групп довольно много, однако это уже не вполне мирное их сосуществование. Раскрытию нового этапа феномена «инаковости» служит многоуровневый конфликт, построенный в романе по типической модели «я — *другие*» с нетипичным количеством персонажей — четырьмя, каждый из которых является *чужим* для всех остальных.

Первый уровень конфликта — базовый для любой страны, но особенно актуальный для такой мультикультурной и мультиэтнической страны, как США, — это расовый. Характеристика практически каждого персонажа, встречающегося в тексте романа, обязательно включает в себя цвет его кожи. Для любого героя цвет кожи — не самый важный, но самый очевидный маркер, характеризующий другого человека. Таким предстаёт перед нами Джоджо Йоханссен, белый парень, очевидно, скандинавского происхождения, играющий в «весь этот чёрный баскетбол» — вид спорта, в котором значительную часть успешных игроков составляют афроамериканцы. «... Десять молодых парней (восемь чёрных и двое белых) играли в баскетбол». На занятиях «белого коротко стриженного великана перебил такой же Гулливер, только чёрный и сидевший на один ряд впереди. <...> — Ни черта себе! — подхватил ещё один чернокожий гигант с бритой головой, сидевший по соседству с белым» [Вулф, 2006а, с. 149]. Так характеризуются и многие другие: «Судя по всему, веселятся здесь чёрные», — отметил про себя Эдам. Умом он, конечно, понимал, что нет никакой разницы в том, какой цвет кожи у заказчика. Но где-то в глубине души, запертой внутри грудной клетки, он позволил себе усомниться в этом» [Вулф, 2006а, с. 252].

Подобные ремарки будут встречаться на протяжении всего романа, будто бы задавая примитивную бинарную оппозицию «белый — чёрный», на самом деле преследуя более сложные цели. Во-первых, эти ремарки говорят не об авторском отношении, а о рациональном или иррациональном восприятии окружающих героями романа. Те, кто, как Эдам, находятся на более высоком интеллектуальном уровне, понимают неверность и ошибочность подобного ни на чём не основанного в каждый конкретный момент предвзятого мнения. Но они знают, что это мнение опирается на некую социальную и культурную память предков и в принципе на социальную обстановку: для белых людей чёрные — это опасность, даже если вы играете в одной команде и они на твоей стороне, не говоря уж о ситуациях, когда ты сталкиваешься с ними в обычных условиях.

Во-вторых, данная оппозиция является вовсе не бинарной: чернокожие есть более светлые и более тёмные, то же самое — с белыми, поэто-

му более тёмный белый парень оказывается ближе к чёрным, чем более светлый; кроме этой дихотомии, есть ещё азиаты или, например, латиноамериканцы, к каждому из которых у героев романа также есть предубеждение. Например, когда в романе повествуется о школьных годах Хойта, мы видим героя в первый семестр в обычной школе после отчисления из элитного учебного заведения: «На третий день пребывания Хойта в новой школе его отловили на перемене в коридоре четверо парней испанистого вида» [Вулф, 2006а, с. 164]. Речевая характеристика персонажей показывает восприятие самого Хойта, не описываются ни их внешность, ни их имена, просто человеку необходимо моментальное маркирование и наклейка лейблов и ярлыков на всё, с чем он сталкивается в жизни. В итоге мы видим, что цвет кожи сразу же влияет на отношение героев к тем, с кем они взаимодействуют, — даже если на рациональном уровне они понимают, что подобные предрассудки не совсем верны.

Очевидно, что подобное расовое и этническое разграничение свидетельствует о латентном расизме. В США данный вопрос всегда был и остаётся по сей день остро актуальным. Национальная коллективная память включает в себя времена рабства, повлиявшего как на чёрное, так и на белое население Америки. Расовые оскорбления, уменьшение прав этнических меньшинств, возникновение не только группировок по расовому и этническому принципу, но и целых городских кварталов, фактически — сегрегаций, где селятся выходцы из одной и той же страны или части света, — всё это является настоящим Америки. В вымышленном Дьюпонтском университете — моделирующем социальную реальность по законам жанра — можно проследить те же самые проблемы, которые уверенно экстраполируются на всю социальную жизнь США. Причём акцент в своём романе Том Вулф делает на виде расизма, обсуждение которого находилось и находится под негласным запретом и считается моветоном в приличном обществе, — обратном расизме. Примером становится университетская баскетбольная команда.

Спорт в принципе является одной из важнейших составляющих американской национальной идентичности, особенно аутентичные для США его виды (подробнее об этом см., напр.: [Bale, 2008; Куликов, 2018, с. 43—45]). Спорт работает как сплачивающая и объединяющая нацию сила, что особенно актуально для американской нации «по причине этнического, расового и культурного многообразия последней» [Носикова, 2014, с. 97]. И, пока баскетбольные соревнования выполняют свою функцию объединения людей (болельщикам, приходящим на матчи, не важны раса или этническая принадлежность своих кумиров), сама команда раздираема внутренними противоречиями. Вот что об этой ситуации говорит Джек

Йоханссен: «Устал я от всего этого чёрного баскетбола. Почему заведомо считается, что они лучше нас? Вот тренер — он же белый. И большинство тренеров белые. Но поставь перед ними двух игроков абсолютно одинакового класса, чёрного и белого — они обязательно скажут, что чёрный лучше. <...> у чёрных, мол, нервы крепче, и бросают они лучше. Он, видите ли, не промахнётся. Вот белый игрок такого же класса — он, конечно, промахнётся и подведёт команду» [Вулф, 2006а, с. 75]. Собственно, эта бинарная оппозиция проявляет себя на двух уровнях: профессиональном и межличностном. С точки зрения самореализации как спортсмена Джоджо достигает определённых успехов: его ценят болельщики и руководство университета, он принимает участие в матчах, хотя и в меньшем объёме, чем ему бы того хотелось, и набирает очки (хотя тоже меньше возможного их количества, так как в рамках тренерских указаний вынужден отдавать пасы своим чернокожим партнёрам, а не бросать сам). Но главная проблема заключается именно в коммуникации и социализации: партнёры не воспринимают Йоханссена за своего, игнорируют его или нарочито демонстрируют его чуждость. «И ещё одна их привычка ужасно раздражала Джоджо: они всё время говорили не просто на своём немыслимом жаргоне, но ещё и с каким-то специфическим акцентом. За годы общения Джоджо вполне освоился с этим языком и не только хорошо понимал его, но и мог изъясняться не хуже любого из его «носителей». Тем не менее стоило ему подойти к товарищам по команде, как они, желая лишний раз напомнить Джоджо, что не принимают белого за своего, переходили на обычный, общепринятый английский язык. <...> в конце концов, он всю свою жизнь состязался с чёрными баскетболистами в той игре, в которой, по их мнению, белые не могли с ними соперничать» [Вулф, 2006а, с. 69—70]. То, с чем сталкивается Йоханссен, — проблема белого неграмотно построенного поликультурного социума, когда этнические меньшинства вместо ассимиляции, наоборот, обособляются, замыкаются в обществе себе подобных, выстраивая психологические, а иногда и физические редуты на пути к своему тесному миру и к своему «я». Возникновение подобных замкнутых сообществ никак не способствует ни развитию общества вообще, ни развитию данной структуры в частности, поскольку мешает возникновению понимания между этническим большинством и меньшинствами, первое из которых, может, и хотело бы принять в свои ряды другие этносы, но те, варясь в собственном соку, создавая отдельные жилые кварталы, разговаривая на собственном языке и не стремясь проникнуться иной культурой, не дают ему возможности это сделать. Безусловно, в диахроническом плане данная проблема гораздо более многоаспектная и сложная (это происходило не только из-за внутренней потребности, но и по причине дикта-

та со стороны белых колонистов), однако в рамках текстовой реальности точки зрения Джорджем Йоханссена это не находит своего отражения.

Ещё один уровень репрезентации противостояния «я — *другие*», тесно связанный с темой меньшинств, выводит читателя из ряда обычных межличностных отношений в политическую плоскость. В интервью журналу *Esquire* Том Вулф говорит: «Я демократ до мозга костей. Думаю, я самый демократически настроенный писатель из всех, кого я знал» [Правила жизни...]. Именно поэтому Хойт Торп, персонаж с яркими республиканскими взглядами, получился в романе Вулфа наиболее отталкивающим, см., например: [Вулф, 2006а, с. 142]. Подобная риторика, помноженная на отсутствие интеллекта и уверенность в собственной избранности, приводит Хойта к мысли о том, что только члены студенческого братства — белые, сильные, гетеросексуальные — являются «настоящими мужиками». Вулф фактически показывает становление представителей того самого поколения, которые в замкнутой группе своих студенческих братств, финансово обеспеченные своими родителями, могущие получить место в любой престижной компании из-за обучения в престижном университете, нахальные, самоуверенные, необразованные, начинают определять будущее целой страны, ставя в один ряд отличников, панков и чёрных и определяя их на низшую социальную ступень.

Тема спорта позволяет выявить ещё одну сторону конфликта в художественной реальности романа. Зачастую, чтобы почувствовать себя лучше собеседника или окружающих людей, персонажу достаточно быть не более умным, более развитым, более знаменитым или более богатым, а просто — более физически сильным. Физическое превосходство в подобных замкнутых социальных группах возвращает людей в царство животных, где более сильный всегда находится выше в иерархии, чем более слабый. Сопоставление людей и зверей пронизывает всё содержание романа, но именно в этом аспекте, наряду с вопросом сексуального поведения, становится доминантным. Неслучайно, наряду с цветом кожи, ещё одной постоянной речевой характеристикой персонажей становится их физическое состояние: «За парнями, осуществлявшими фейс-контроль, стоял, скрестив руки на груди и с каменным выражением лица, ещё один человек — материальное подкрепление их власти: шея у этого вышибалы была шире головы, а тугая зелёная футболка, казалось, сейчас разорвётся, разодранная могучими, вздымающимися в такт дыханию мышцами. Предплечья, блестящие от пота, были у него толще, чем ноги обычного человека» [Вулф, 2006а, с. 298]; «Руки и плечи у всех десятерых накачаны, как у культуристов. Трапециевидные мышцы, сбегające от шеи к спине, выпуклые, как дыни. Эти силачи-великаны, покрытые потом, так и сверкали в свете лю-

минексовских ламп, который переливался на дельтовидных, грудных, трапециевидных и косых мышцах» [Вулф, 2006а, с. 52] и т. д. Показательной для подтверждения нашей мысли о важности физического превосходства для самоидентификации персонажей являются две параллельных друг другу сцены, в которых два физически развитых героя — Джоджо и Хойт — дают словесную характеристику Эдаму Геллину. Первый взаимодействует с ним как с приставленным руководством университета куратором: сами спортсмены, приносящие славу своему вузу на национальной арене, имеют «поблажки» в академической среде, по сути представляющие из себя полную свободу от выполнения учебных заданий и перекладывание ответственности на плечи тех самых кураторов, зачастую — бедных студентов со старших курсов, отличающихся хорошей успеваемостью и не имеющих возможности отказаться. Второй — Хойт — редко пересекается с Эдамом, но первое их знакомство происходит в момент, когда Геллин, подрабатывающий в студенческой газете «Дэйли вэйв» и мечтающий стать настоящим журналистом, пытается взять интервью у членов студенческого братства. Джоджо, достаточно воспитанный и порядочный человек, говорит об Эдаме так: «Если взять в качестве образца какую-нибудь звериную стаю, то этот очкарик занял бы в ней самое последнее место. Он бы безропотно терпел издевательства и унижения других членов стаи, скрипел бы зубами от злости, но так и не решился бы проявить эту злость, восстать против тех, кто сильнее и увереннее в себе. Другое дело — Джоджо и его друг Майк. Таких, как они, называют доминирующими самцами» [Вулф, 2006а, с. 181]. Хойт, воспитанием и добродетелью не отличающийся, выражается ещё откровеннее: «Редкостный придурок. К тому же и внешние данные незнакомца, прямо скажем, оставляли желать лучшего: невысокий, тощий, явно физически слабосильный, словно сделанный из жёсткой проволоки скелет, едва прикрытый туго натянутой кожей. Нет, ему только ошейника не хватает, подумал Хойт. С надписью: “МУДАК-БОТАНИК”» [Вулф, 2006а, с. 360]. Таким образом, тема физического превосходства и животной иерархии, не проявлявшая себя в раннем творчестве Т. Вулфа, в более позднем романе выходит на передний план, становясь одной из основополагающих, по мнению писателя, в построении современного ему социума.

Помимо вышеозначенных, пунктиром можно обозначить и другие уровни противопоставления «я — *другие*», возникающие в тексте романа: антитеза интеллектуалов и совершенно не интересующихся знаниями студентов (на примере Шарлотты Симмонс и Эдама Геллина в противодействии их однокурсникам); антитеза студенческой и взрослой жизни (на примере размышлений каждого из главных героев о том, что их бытование в кампусе далеко от реальной действительности); классовые различия (на

примере родителей Шарлотты Симмонс, небогатых работающих людей, и состоятельных отца и матери соседки Шарлотты по комнате в общежитии Беверли); антитеза между Шарлоттой и её родителями, которых она очень любит, но не может не замечать их недостатки и ограниченность, поэтому хочет дистанцироваться и сепарироваться от своего родного дома и города. Однако все эти вопросы, по сути, сводятся к одному общему, которым так или иначе задаются не только герои романа Тома Вулфа, но и обычные американцы: «Кто мы?» (в данном контексте нельзя не вспомнить книгу знаменитого американского социолога Сэмюэла Хантингтона [Хантингтон, 2008]). Это вопрос самоидентичности, проблема, с которой сталкивается любой человек в своей жизни. Нужно ли до конца оставаться собой или смешиваться с толпой? Нужно ли пытаться стать *своим* в маленькой социальной группе или же держаться особняком, чтобы не потерять свою самость? Стоит ли подчиниться общественному мнению или не позволять чужим оценочным суждениям влиять на себя? Стоит ли делить окружающих людей по расовому, этническому, гендерному, сексуальному или другим признакам, или важны их личные качества и интеллект, а не внешние показатели? А поскольку для американской нации вопрос о национальной идентичности стоит особенно остро, подобные размышления Т. Вулфа на самом деле экстраполируются с Дьюпонтского университета на всю Америку. Показательно, что *другой* здесь — это не внешний враг, не иноземец, это *другой* внутри собственной нации и даже внутри собственной социальной группы. Это противостояние, которое ведёт к разъединению нации, и именно это демократу Вулфу, ратующему за мультикультурализм и глобализацию, особенно горько видеть. Поиск же инаковости остаётся ограничен усилиями по обретению своей статусной группы.

4. Заключение = Conclusions

Даты написания ранних очерков Тома Вулфа (1960-е годы) и его романа «Я — Шарлотта Симмонс» (2004) охватывают практически всю вторую половину XX века. Это период того состояния культуры, которое получило название *постмодернизм*. Сопоставление названных произведений в ракурсе феномена инаковости позволяет в определенной мере проследить начало формирования комплекса идей и результаты их воздействия. Одним из факторов постмодернизма стало всеобщее стремление избежать любых видов власти: государства, языка, расовой принадлежности, гендера и всех иных видов тотализирующего воздействия. В первые послевоенные десятилетия эта тенденция воспринималась как несомненно спасительная для социума. Она же подразумевала высокий уровень свободы личности. В очерках 60-х годов Том Вулф фиксирует наиболее заметные формы бы-

тия молодых людей (в возрасте от 13 до 30 лет) США. Сам автор является носителем вполне рационально ориентированного сознания интеллектуала, однако он с большой симпатией фиксирует многообразные проявления раскрепощенного, направленного на эмоциональное восприятие мира поколения тех, кто выросл в конце 50-х — начале 60-х годов. Инаковость находит опору в отказе от всех нравственных норм и законов, разрушении всех эстетических и иных эталонов, деконструкции любых авторитетов, раскрепощении индивидуального сознания при помощи любых средств в новом игровом стиле бытия. Автор подчеркивает силу воздействия создаваемой молодыми людьми контркультуры на общественное сознание.

В романе показаны результаты этого мощного воздействия спустя несколько десятилетий. Автор избирает абсолютно релевантную для своего замысла жанровую форму, позволившую раскрыть жизнь университетской среды, в которой концентрируются черты глобального социума. Главными признаками деятельности университета являются практически полное отсутствие в нем полноценной образовательной системы и принципиальная немотивированность студентов к обучению. Абсолютная свобода молодого человека проявляется в постоянном неумеренном поглощении спиртного, сексуальной раскрепощенности, отсутствии сдерживающих нравственных центров. Осталась неразрешимой проблема расизма, несмотря на провозглашаемые принципы толерантности, политкорректности, мультикультурности. Отказ от классического рационального мышления привел к примитивности сознания и отсутствию достойного человека целеполагания.

Таким образом, роман Т. Вулфа стал констатацией не удовлетворяющих его итогов постмодерна. В 2006 году Том Вулф произносит Джефферсоновскую речь (*The Jefferson Lecture in the Humanities*) [Wolfe, 2006]. Он назвал ее «Человек-зверь», воспользовавшись названием романа любимого им Э. Золя. В этом последнем общественно значимом его высказывании журналист и писатель достаточно пессимистично размышляет о возможностях эволюции человека.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Вулф Т. Конфетнораскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка / Т. Вулф ; [пер. с англ. М. Кондратьева]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 479 с. — ISBN 978-5-367-00388-8.

2. Вулф Т. Электропрохладительный кислотный тест / Т. Вулф ; [пер. с англ. В. Кога-на]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2006. — 422 с. — ISBN 5-94278-409-4.
3. Вулф Т. Я — Шарлотта Симмонс : [роман] / Т. Вулф ; [пер. с англ. В. Правосудова]. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2006а. — 1016 с. — ISBN 5-367-00186-6.
4. Wolfe T. The Human Beast [Electronic resource] / T. Wolfe // Jefferson Lecture. — 2006 — Access mode : <https://www.neh.gov/about/awards/jefferson-lecture/tom-wolfe-biography> (accessed 11.08.2024).

Литература

1. Анцыферова О. Ю. Университетский роман : парадоксы жанровой номенклатуры / О. Ю. Анцыферова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2010. — № 1 (10). — С. 3—8.
2. Вентури Р. Уроки Лас-Вегаса. Забытый символизм архитектурной формы / Р. Вентури, Д. Скотт Браун, С. Айзенур ; пер. с англ. И. Третьяков. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2023. — 208 с. — ISBN 978-5-91103-726-0.
3. Евдокимцев Д. В. Проблема другого «я» в диалогической философии Мартина Бубера : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.03 / Д. В. Евдокимцев. — Москва, 1999. — 23 с.
4. Куликов Е. А. Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. А. Куликов. — Нижний Новгород, 2019. — 203 с.
5. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное / Э. Левинас. — Москва-Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. — 416 с. — ISBN 5-7914-0083-5.
6. Несмелова О. О. Новый журнализм : теоретические принципы и их художественное воплощение / О. О. Несмелова, Ж. Г. Коновалова // Ученые записки Казанского университета. — 2011. — Т. 153. — Книга 2. — С. 245—258.
7. Носикова Д. В. Спорт и литература как два объединяющих начала в американской культуре / Д. В. Носикова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. — 2014. — № 28. — С. 95—105.
8. Правила жизни Тома Вулфа [Электронный ресурс] // Esquire. — 2011 — Режим доступа : <https://www.pravilamag.ru/hero/74-tom-wolfe/> (дата обращения 11.08.2024).
9. Рябухина О. А. Том Вулф как теоретик и практик «нового журнализма» / О. А. Рябухина, И. М. Удлер // Мировая литература в контексте культуры. — 2011. — № 6. — С. 103—106.
10. Тализ Г. Фрэнк Синатра простудился и другие истории / Г. Тализ ; [пер. с англ. И. Заславской, Л. Мотылёва]. — Москва : Individuum, 2024. — 352 с. — ISBN 978-5-907696-49-5.
11. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. — 635 с. — ISBN 978-5-17-024800-1.
12. Bale J. Anti-Sport Sentiments in Literature : Batting for the Opposition / J. Bale. — Oxon, New York : Routledge, 2008. — 222 p. — ISBN 9780415596251.
13. Best J. “Status! Yes!” : Tom Wolfe as a sociological thinker / J. Best // The American Sociologist. — 2001. — Vol. 32. — № 4. — Pp. 5—22. — DOI: <https://doi.org/10.1007/s12108-001-1001-z>.
14. Gutkind L. In Fact: The Best of Creative Nonfiction / L. Gutkind. — New York, London : W. W. Norton & Company, 2005. — 480 p. — ISBN 0393326659.

15. *Menand L.* Tom Wolfe, Sage of Status Anxiety [Electronic resource] / L. Menand // The New Yorker. May 15, 2018. — Access mode : <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/tom-wolfe-sage-of-status-anxiety> (accessed 11.08.2024).

16. *Price D. A.* Where Tom Wolfe got his status obsession [Electronic resource] / D. A. Price // Nieman Storyboard. — July 5, 2016. — Access mode : <https://niemanstoryboard.org/stories/where-tom-wolfe-got-his-status-obsession/> (accessed 11.08.2024).

Статья поступила в редакцию 17.08.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 15.10.2024.

Material resources

Wolfe, T. (2007). *The Kandy-Kolored Tangerine-Flake Streamline Baby*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 479 p. ISBN 978-5-367-00388-8. (In Russ.).

Wolfe, T. (2006). *The Electric Kool-Aid Acid Test*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 422 p. ISBN 5-94278-409-4. (In Russ.).

Wolfe, T. (2006). The Human Beast. *Jefferson Lecture*. Available at: <https://www.neh.gov/about/awards/jefferson-lecture/tom-wolfe-biography> (accessed 11.08.2024).

Wolfe, T. (2006a). *I Am Charlotte Simmons: [novel]*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora. 1016 p. ISBN 5-367-00186-6. (In Russ.).

References

Antsyferova, O. Y. (2010). University novel: paradoxes of genre nomenclature. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities, 1 (10): 3—8*. (In Russ.).

Bale, J. (2008). *Anti-Sport Sentiments in Literature: Batting for the Opposition*. Oxon, New York: Routledge. 222 p. ISBN 9780415596251.

Best, J. (2001). “Status! Yes!”: Tom Wolfe as a sociological thinker. *The American Sociologist, 32 (4): 5—22*. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12108-001-1001-z>.

Evdokimtsev, D. V. (1999). *The problem of the other self in Martin Buber's dialogical philosophy*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Gutkind, L. (2005). *In Fact: The Best of Creative Nonfiction*. New York, London: W. W. Norton & Company. 480 p. ISBN 0393326659.

Huntington, S. (2008). *Who are we? The Challenges to America's National identity*. Moscow: AST: AST MOSCOW. 635 p. ISBN 978-5-17-024800-1. (In Russ.).

Kulikov, E. A. (2019). *National and cultural codes in the novels of Dan Simmons*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 203 p. (In Russ.).

Levinas, E. (2000). *Favorites. Totality and the infinite*. Moscow-St. Petersburg: University Book. 416 p. ISBN 5-7914-0083-5. (In Russ.).

Menand, L. (2018). Tom Wolfe, Sage of Status Anxiety. *The New Yorker. May 15*. Available at: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/tom-wolfe-sage-of-status-anxiety> (accessed 11.08.2024).

Nesmelova, O. O., Konovalova, J. G. (2011). New journalism: theoretical principles and their artistic embodiment. *Scientific notes of the Kazan University, 53 (2): 245—258*. (In Russ.).

Nosikova, D. V. (2014). Sports and literature as two unifying principles in American culture. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolybov, 28: 95—105*. (In Russ.).

- Price, D. A. (2016). Where Tom Wolfe got his status obsession. *Nieman Storyboard*. July 5. Available at: <https://niemanstoryboard.org/stories/where-tom-wolfe-got-his-status-obsession/> (accessed 11.08.2024).
- Ryabukhina, O. A., Udler, I. M. (2011). Tom Wolf as a theorist and practitioner of “new journalism”. *World literature in the context of culture*, 6: 103—106. (In Russ.).
- Talese, G. (2024). *Frank Sinatra Has a Cold, and other stories*. Moscow: Individuum. 352 p. ISBN 978-5-907696-49-5. (In Russ.).
- Tom Wolfe’s Rules of life. (2011). *Esquire*. Available at: <https://www.pravilamag.ru/hero/74-tom-wolfe/> (accessed 11.08.2024). (In Russ.).
- Venturi, R., Scott Brown, D., Izenour, S. (2023). *Learning from Las Vegas. The Forgotten symbolism of architectural form*. Moscow: Ad Marginem Press. 208 p. ISBN 978-5-91103-726-0. (In Russ.).

*The article was submitted 17.08.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 15.10.2024.*